

Н. В. Фёдорова
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ВОЙНА И ТОРГОВЛЯ
В АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аксель Хейкель еще в 1895 г. писал: «Этнология — это широкая наука, к которой принадлежат этнография, лингвистика, археология и фольклористика», — тем самым подчеркивая неразрывную связь этнографии и древней истории при создании картины этногенеза. Размышления о проблемах обско-угорской этнографии, которым посвящена статья З. П. Соколовой,¹ вызвали желание предложить свое видение некоторых аспектов «генезиса и развития тех или иных культурных явлений и процессов».

Представление о культуре населения северного Приобья как о сфере, где традиции устойчивы в веках, а новации связаны с «притоком нового населения», давно стало научным стереотипом. Так ли это на самом деле? Или традиционность/изменчивость являются двумя сторонами одной медали — культуры? А. В. Головнёв предлагает исследователям методологический ключ — различение локальных и магистральных культур (деятельностных схем).² Применительно к археологическому материалу — к *остаткам* культуры населения севера Западной Сибири в древности и средневековье — эти схемы можно условно обозначить как «археологию повседневности» и «археологию войны и торговли».

Археология повседневности. Жизнь обитателя лесов Нижнего Приобья мало менялась с течением веков и даже тысячелетий, так как базировалась на практически неизменных местных природных ресурсах. Исследование археологических памятников в зоне распространения многолетней мерзлоты, в культурном слое которых прекрасно сохранились остатки флоры и фауны, изделия и конструкции из органических материалов, позволило решать проблемы формирования систем хозяй-

ственных адаптаций, отражающих повседневную жизнь обитателей региона, на качественно новом уровне. Выводы базируются, в частности, на результатах, полученных на основании изучения памятников эпох камня и бронзы. Подобные исследования проводились Л. Л. Косинской (на востоке современного ЯНАО, в частности в Пуровском районе), Е. А. Васильевым и О. С. Кудрич (на юге полуострова Ямал, в Приуральском и Шурышкарском районах, т. е. на западе округа). Анализ полученных данных позволил авторам исследований выдвинуть некоторые предположения относительно формирования систем хозяйственных адаптаций человеческих коллективов в эти эпохи. Так, датировка временем камня (мезолита–неолита) ловчих ям в Пуровском районе дала возможность Л. Л. Косинской сделать вывод о значительной оседлости и слаженности действий охотников этого времени.³ Мощный (до 2 м и более) культурный слой поселений эпохи раннего металла Вары-Хадыта II, Лов-Санг-Хум и Горный Самотнел I, относимых к ясунской культуре,⁴ свидетельствует об их долговременном функционировании, а находка на поселении Вары-Хадыта II фрагмента изделия из меди недвусмысленно указывает на наличие торговых связей с металлоносными районами. Кроме того, эта находка наталкивает нас на закономерный вопрос — что же служило эквивалентом в торговле?

Неожиданностью для археологии северо-запада Сибири стали результаты исследований О. С. Кудрич на поселении эпохи энеолита — бронзы Горный Самотнел I. Во-первых, удивительно само его расположение на высоком берегу Большой Оби. Во-вторых, в культурном слое были обнаружены, наряду с другими находками, фрагмент сети, сплетенной из растительных волокон, с размером ячеек 40×40 мм,

¹ См. статью в настоящем издании: Соколова З. П. Некоторые дискуссионные проблемы обско-угорской этнографии.

² См.: Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009; Он же. Этюд из угорской этноистории // Этнокультурное наследие народов Севера России. К юбилею д-ра ист. наук, проф. З. П. Соколовой. М., 2010. С. 41–43.

Фёдорова Наталья Викторовна — к.и.н., зав. сектором археологии Научный центр изучения Арктики (г. Салехард)
 E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

³ См.: Косинская Л. Л. Археологические памятники бассейна р. Пур (Итоги исследований 1990–1998 гг.) // Науч. вестн. Вып. 3. Археология и этнография: материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. Салехард, 2000. С. 21–23.

⁴ См.: Васильев Е. А. Культура Вары-Хадыта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири в раннем бронзовом веке // Тр. III (IX) Всерос. археол. съезда. Великий Новгород; Старая Русса, 2011. С. 212, 213; Кудрич О. С. Новые источники по энеолиту — раннему бронзовому веку в низовьях Оби // Там же. С. 233.

а также грузило в виде камня, обернутого берестой. Сетевое рыболовство на Большой Оби до сих пор считалось много более поздним изобретением.

На основании изучения памятников эпох камня — бронзы — раннего железного века можно сделать общий вывод о том, что так называемое комплексное охотничье-рыболовческое хозяйство в основном сформировалось не позднее начала эпохи металла и до сих пор существует лишь с незначительными изменениями. Небольшие рыбные реки и озера, около которых расположено большинство поселений, дают возможность людям круглогодично обитать на этих территориях. В местах, удобных для проживания коллективов с подобным типом хозяйства, обычно фиксируются памятники различных эпох, вплоть до современных поселений. Так, например, в среднем и нижнем течении р. Сыни круглогодичные поселения датируются эпохами бронзы и железа, там же сейчас постоянно обитают северные ханты, ведущие традиционное хозяйство. В районе расположения поселения Вары-Хадыта II, на юго-востоке полуострова Ямал, зафиксировано значительное количество памятников археологии — от эпохи бронзы до средневековья. В открытой тундре следы современных стойбищ и остатки памятников археологии, как правило, находятся на одних и тех же местах. И наоборот, отсутствие следов ненецких стойбищ является знаком бесперспективности поиска здесь памятников археологии.

Не исключено, что какие-то навыки, связанные с использованием оленя как домашнего животного начали формироваться также в эпоху раннего металла: в раннем железном веке уже наличествует полный набор материальных признаков развитой оленеводческой культуры. В культурном слое памятников эпохи раннего железа (поселение Катравож, древнее святилище Усть-Полуй) обнаружены части оленьей гарнитуры и снаряжения (фрагменты нарт, наконечники хореев, блоки упряжи, налобные пластины), там же изучены костные останки мелких собак, напоминающих современных лаек-оленегонок. Наиболее многочисленны в составе археозоологических коллекций с памятников этого времени кости северного оленя (от 45 % до 75 %).

Предположение о том, что, в целом системы хозяйственных адаптаций в их фиксируемых материальных проявлениях сформировались гораздо раньше, чем считалось до сих пор, ста-

новится все более основательным. Свидетельством тому являются многие предметы материальной культуры: так, остатки сетей, грузила и поплавки из бересты, обнаруженные О. С. Кудрич при раскопках поселения Горный Самотнел I, аналогичны тем, которые употребляются в наше время. То же самое можно сказать и о формах и конструктивных особенностях посуды и вместилищ из бересты и дерева, лодок и весел, оленьих нарт, охотничьего снаряжения. Мало изменилась архитектура жилищ и многое другое. Представление о полуземлянке как об основном типе зимнего жилища охотничье-рыболовческого населения Нижнего Приобья вызывает сильные сомнения. Во всяком случае в эпоху железа конструкция жилищ была иной, что удалось зафиксировать со всеми деталями при раскопках. До срубных построек, которые, судя по результатам раскопок Войкарского Городка, появились не ранее XVI–XVII вв., жилища были каркасно-столбовыми с выходом коридором. Основу конструкции составляли вкопанные вертикально плахи, укрепленные поперечными слегами, и столбы в центре жилища, на которых держалось шатровое перекрытие. Вокруг стен, на расстоянии примерно 50–70 см от них, ставился плетень, промежуток засыпался отходами деревообработки, землей, мхом и т. д. Остатки жилищ эпохи железа, изученные в Сургутском Приобье на Барсовой Горе, по-видимому, относятся к постройкам подобного же типа.

Элементы культуры повседневности почти не меняются или меняются незначительно на протяжении даже не столетий, а тысячелетий, так же, как и окружающая среда, животный мир, растительность. Именно это и способствовало появлению в северном Приобье огромных по занимаемой территории и удивительно единообразных по составу остатков материальной культуры общностей — кулайской (в эпоху раннего железа) и обь-иртышской (в средневековье).

Археология войны и торговли в форме отпечатка этих видов деятельности фиксируется на севере Западной Сибири начиная с конца I тыс. до н. э. В тайге строятся городища с мощными оборонительными системами, или бастионные крепости, как называют их В. А. Борзунов и Ю. П. Чемякин.⁵ В низовьях

⁵ См.: Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 68–108.

Оби как в составе находок из культурного слоя памятников, так и среди предметов изобразительного творчества постоянно встречаются фрагменты доспехов, изображения антропоморфных фигур с элементами вооружения.⁶ На территории всего региона появляются в достаточно значительном количестве предметы «дальнего» импорта: бронзовые котлы скифского типа, разнообразные стеклянные и пастовые бусы, бронзовые бляхи-зеркала, бронзовые же наконечники стрел, фрагменты серебряных блюд.

Несколько позже — к середине — второй половине I тыс. н. э. — формируется определенный набор вещей (украшений, принадлежностей костюма, деталей вооружения), декорированных зооморфными образами представителей местной фауны. Это «статусное» искусство характеризуется, во-первых, массовостью производства, во-вторых, единым стилем и номенклатурой изделий. Только дошедших до нас произведений средневековых литейщиков насчитывается не менее 500 экземпляров, причем не являются редкостью вещи, отлитые в количестве пяти и более копий в одной форме или по одной мастер-модели.⁷

В номенклатуру изделий входят: бронзовые рукоятки железных ножей, щитки для защиты руки от тетивы, пряжки, браслеты, подвески. Они настолько стилистически едины, что некоторые авторы говорят, например, о «пряжках и браслетах обского типа». Назначение вещи и запечатленные на ней зооморфные сюжеты четко взаимосвязаны. Так, изображения медведей встречаются на всех предметах, кроме рукояток ножей; образы сов или филинов зафиксированы на пряжках, бляхах, щитках для защиты руки от тетивы, редко — на рукоятке ножа, но ни разу — на самом массовом изделии — подвесках; изображения пушных зверей и зайцев украшают все известные категории изделий; хищные и водоплавающие птицы представлены в виде сюжетов подвесок — объемных и плоских — и рукояток ножей; олень и лось — в виде объемных подвесок и наверший, псовые хищники — только в виде плоских подвесок.

⁶ См.: Гусев А. В. Костяной защитный доспех населения севера Западной Сибири в раннем железном веке: находки, аналогии, возможности реконструкции // Тр. III (IX) Всерос. археол. съезда. С. 339.

⁷ Не меньшее, если не большее, количество украшений из «статусного» набора хранится в частных коллекциях, многие из которых не доступны для ученых. Ежегодные «черные» раскопки активно пополняют этот фонд.

Внимательное изучение стиля изделий VIII–XIII вв. приводит к выводу о том, что как изготовителей, так и потребителей интересовавала передача не столько видовых признаков животного, сколько некоего особого смысла, закодированного в зооморфных символах. Употребляемые мастерами изобразительные приемы, призванные усилить эту символику, сделать ее более понятной, были строго канонизированы. Так, например, все звери, независимо от их реального облика, изображались с широкой мордой, большим носом, раздутыми ноздрями и крупными миндалевидными глазами со слезной бороздкой. Столь жесткая канонизация художественных приемов заставляет задать вопрос о количестве центров — мастерских, изготовлявших мастер-модели и отливавших по ним десятки и сотни изделий.

Остатки литейных мастерских, в которых можно было бы увидеть такие центры, практически не известны, а на тех немногих, которые подвергались раскопкам (Рачевская, Зеленоярская), кроме печей (горнов) для плавки металла, шлаков, сплесков бронзы и серебра, не найдено ни одной формы для отливки украшений и принадлежностей костюма второй половины I тыс. н. э. Напрашиваются две равновероятные гипотезы.

Первая подразумевает наличие очень крупного центра (или нескольких крупных центров), который снабжал своей продукцией весь регион Среднего и Нижнего Приобья, восточного Зауралья. Объем производства такого центра должен быть поистине огромен, как и необходимое для него количество металла в виде слитков или лома.

Вторая гипотеза опирается на общее для всего средневековья устройство ремесленных центров. Независимо от профессии мастера, будь то строители, скульпторы, и особенно ювелиры, были достаточно мобильны, так как потребный им инструмент и минимум сырья легко укладывался в заплечный мешок. Мастера передвигались от города к городу, от центра к центру, воспроизводя в своих изделиях тот общий стиль, который сформировался под влиянием общей выучки, следования общим образцам, моде конкретного времени и региона и т. д. В нашем случае возможно дополнительно наличие набора мастер-моделей или форм. И тот факт, что до сегодняшнего дня сохранились десятки одинаковых отливок, особенно в кладках, может иметь реальное объяснение: их отливали

неподалеку от конкретных концентраций поселений (в городках, например), и все отливки поступали в распоряжение конкретной локальной группы потребителей.

Большое количество перечисленных выше изделий позволяет констатировать, что в VIII–XIII вв. в таежной зоне Западной Сибири появились массовые потребители этой серии, которыми, по-видимому, стали представители нового социального слоя. Обилие статусных украшений, оружия, появление специфических воинских сюжетов, нанесенных на привозные и местные металлические изделия (так называемые гравировки или граффити в том числе неоднократно упоминающийся в литературе танец с саблями, повышение роли торговли, что способствовало частичной переориентации хозяйства на добычу эквивалента для обмена (пушнины, шкур и кости морского зверя), — все это позволяет предположить, что новый слой как раз и был связан с войной и торговлей. Именно их «деятельностными схемами» объясняется возросшая мобильность части западносибирского таежного населения во второй половине I — начале II тыс. н. э.

Эта новая мобильность хорошо прослеживается, во-первых, при анализе корпуса импортных металлических вещей, обнаруженных на территории севера Западной Сибири; во-вторых, при исследовании продукции «этнически смешанных» центров производства художественного металла и, наконец, в-третьих, при изучении западносибирских статусных изделий, обнаруженных в комплексах погребальных и культовых памятников на территории Пермского Предуралья, Республики Коми и даже более далеких регионов.

Первая группа изделий представлена серебряной посудой и украшениями, произведенными в удаленных от севера Западной Сибири центрах. Анализ этих предметов «дальнего» импорта дает сложную картину торговых и дипломатических связей, миграции специфических групп населения из-за Урала в Западную Сибирь.⁸ Представление о том, что все эти вещи использовались исключительно в культовых целях, основано на обнаружении их либо на действующих святилищах обских утров, либо в составе шаманских прикладов и в сундучках с культовой атрибутикой. Реальная картина их появления в северном Приобье, распростране-

⁸ См.: Сокровища Приобья: север Западной Сибири на торговых путях средневековья: кат. выставки. Салехард; СПб., 2003.

ния и употребления в эпоху средневековья была весьма сложной и разнообразной.

В качестве примера можно привести результаты исследования группы серебряных сосудов урало-венгерского круга.⁹ В ее составе — семь серебряных сосудов IX–X вв., декор которых выполнен в единой манере, имеет некоторые аналогии с изделиями из могильников на территории Венгрии, но отличается от них как сюжетами, так и другими признаками. Эта удивительно единая по сюжетам и художественному стилю группа изделий собрана — за двумя исключениями — в пределах узкого региона: 4 серебряных блюда найдено в Шурышкарском районе ЯНАО, 2 — на западном склоне Урала, 1 — в Пермском крае.

Определить местонахождение центра производства урало-венгерских вещей, как и почти любого другого центра в эпоху средневековья, очень сложно, иллюстрацией чему служат ведущиеся уже более десяти лет дискуссии о локализации «болгарского» или «неболгарского» центра/центров производства предметов торевтики. В связи с очевидной сложностью уточнения конкретного места производства средневекового художественного металла Б. И. Маршак предложил ввести более соответствующее реалиям эпохи понятие — «школа».¹⁰ Урало-венгерская школа, где бы ни размещались в то или иное время мастерские по производству блюд, характеризуется, помимо вполне определенного стиля и набора художественных приемов, двумя важными для предмета данного исследования особенностями. Во-первых, на всех, кроме одного, серебряных блюдах изображены всадники; во-вторых, именно эта школа демонстрирует тесную связь с западносибирским стилем статусного литья.¹¹ При этом настолько тесную, что впору говорить о продукции «этнически смешанного» центра.

Появление изделий урало-венгерской школы за Уралом, вернее в двух районах — в бассейне рек Сыни — Войкара и в Пермском Предуралье, может иметь два объяснения:

⁹ См.: Fedorova N. Silverware of Magna Hungaria // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Dedrecen, 1990; Фёдорова Н. В. Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные сосуды X–XIV веков из Зауральских коллекций // Тр. КАЭЭ. Вып. 3. Пермь, 2003. С. 138–153.

¹⁰ Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971. С. 16, 17.

¹¹ См.: Бауло А. В., Маршак Б. И., Фёдорова Н. В. Серебряные блюда с реки Войкар // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Новосибирск, 2004. № 2. С. 107–114.

1. Это следствие торговых контактов. Так, до недавнего времени все импортные серебряные изделия считались отражением торговых операций. Против такой гипотезы может свидетельствовать как раз локальность их нахождения, поскольку торговые эквиваленты, как правило, расходятся гораздо шире. Два блюда этой же школы, найденных на юге полуострова Ямал, не противоречат этому заключению, так как весь комплекс погребения (если это действительно погребение — дело в том, что раскопки производились отнюдь не профессионалами) могильника Хето-се, из которого они происходят, выглядит, скорее, результатом добычи во время какого-то грабительского рейда в южные для ямальских тундр пределы.

2. Эти блюда могут являться родовым сокровищем, принесенным за Урал группой мигрантов, которые вполне могли быть частью угорского (древневенгерского) населения из Приуралья. Вряд ли девять родов, ушедших в Паннонию под ударами печенегов, составляли все население так называемой Великой Венгрии, споры о локализации которой, кстати, также ведутся уже не одно десятилетие. Можно с известной степенью вероятности предположить, что какая-то часть древневенгерского (протомадьярского, угорского) населения, возможно обитавшая в северных областях «*Mag-na Hungaria*» и, значит, более тесно связанная с обитателями леса, ушла искать новые места для поселения к северу и северо-востоку — в общем, в родственную этнически среду. Если принять эту гипотезу, в которой я не вижу ничего невероятного, то можно объяснить и возникновение «культы всадника» на севере Западной Сибири, о котором имеется весьма обширная литература. Всадничество, с одной стороны, выглядит странным для средневекового населения северной тайги; с другой стороны, сохранение его элементов в виде изображения всадника на предметах культовой атрибутики и популярность бога-всадника широко известны, хотя и локализируются эти явления тоже в местах расселения манси — северных хантов (бассейны рек Сев. Сосьвы, Сыни, Войкара и т. д.), т. е., в широком смысле, в том регионе, куда первоначально попали изделия урало-венгерской школы.

Детального изучения способов попадания западносибирских статусных изделий в комплексы могильников и культовых мест, исследованных на территории Пермского Предуралья и Республики Коми, не проводилось.

А. М. Белавин связывает их появление с «притоком из-за Урала угорского населения».¹² Но, во-первых, этот самый «приток» на территорию Прикамья происходил не из северных регионов Западной Сибири, в которых именно и был распространен описанный выше набор украшений и принадлежностей костюма. Во-вторых, из всего западносибирского набора для комплексов за пределами севера Обско-го бассейна характерны практически исключительно пряжки с изображением медведя «в ритуальной позе». В-третьих, А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова полагают, что пряжки с головой медведя «...могут считаться изделиями, характерными для Рождественского археологического комплекса» (курсив мой — *Н. Ф.*).¹³ Наконец, в-четвертых, эти пряжки в погребениях не сопровождаются никакими другими зауральскими вещами, в том числе керамикой. Другие вещи из западносибирского набора встречаются редко — одно навершие с головой оленя и две подвески в виде фигуры животного, — несмотря на то что именно зооморфные подвески являются наиболее массовым изделием в Западной Сибири.

На территории современной Республики Коми также обнаружены три пряжки с изображением медведя (в Нерицком могильнике¹⁴ и в комплексе Хэйбидя-Пэдарского культового места¹⁵). Других зауральских вещей обозначенного круга там нет.

Можно предположить, что именно пряжкам с изображением медведя придавалось особое значение в большом регионе по обе стороны Урала. Массовость их находок в Предуралье позволяет предположить две возможности: 1) престижность таких пряжек и поэтому закупки в зауральских литейных центрах; 2) изготовление пряжек, вероятно по зауральским мастер-моделям, в тех самых этнически смешанных центрах производства украшений, о которых речь шла выше.

Наличие центров производства, в которых работали мастера из разных регионов Приуралья и Западной Сибири, а возможно, и еще более широкого круга, подтверждается обнаружением других категорий артефактов — на-

¹² Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000. С. 166, 167.

¹³ Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008. С. 409.

¹⁴ См.: Археология Республики Коми. М., 1997. С. 535, рис. 5.

¹⁵ См.: Мурыгин А. М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М., 1992. С. 41, рис. 18/3.

верший биметаллических кресал и литых фигурок так называемых «всадниц на змее». Обе категории находок являются массовыми: их количество по обе стороны Урала исчисляется несколькими десятками. По поводу их культурной принадлежности есть несколько взаимоисключающих гипотез. При этом в каждом регионе обе категории находок отличаются своими особенностями: так, навершия кресал, обнаруженные в Западной Сибири, имеют характерный для приобского художественного металла набор стилистических и орнаментальных признаков, а «всадницы» (в Сибири, скорее, всадник) значительно более разнообразны, чем в Прикамье¹⁶ (в частности, речь идет — при аналогичной иконографии образа — о таких сюжетах, как всадник или даже два всадника на медведе, всадник на лосе и т. д.).

Отметим, что понятие «этнически смешанный центр» абсолютно не подразумевает работу мастеров в одном помещении или на одном поселении. В данном случае вполне возможно использовать понятие «рассеянный центр» с последующим исследованием всей продукции, выделением отдельных стилистических и сюжетных групп, различных влияний-заимствований и т. д.

Мобильность, или, следуя концепции А. В. Головнёва, «магистральность», населения на севере Западной Сибири резко возрастает к XIV в. Перемены, фиксируемые по археологическому материалу, затрагивают, кажется, почти все сферы.¹⁷

Меняется набор статусных украшений и принадлежностей костюма: теперь они представлены более простыми в изготовлении подвесками в виде лапок водоплавающих птиц и в виде рыбок, круглыми бляшками с перемычкой на обороте, крестовидными бляхами двух типов — косыми и прямыми, полулунными и калачевидными подвесками. Зооморфные подвески стилизуются, что приводит к полной потере первоначальной формы. Интересно отметить, что некоторые типы изделий из набора «новых» украшений копируют в упрощенном варианте привозные (прикамско-булгарские) серебряные изделия, декорированные зернью и сканью.

В составе обнаруженных импортных предметов вместо характерных для более раннего

времени шедевров средневекового сереброремесла, позволяющих говорить не только о торговле, но и, возможно, о дипломатических дарах, основное место теперь занимает, говоря современным языком, «ширпотреб», представленный большим количеством шумящих подвесок и лопастных височных украшений. Многочисленными становятся круглые бляхи из плохого серебра с перловым орнаментом по краю, среди которых, впрочем, есть и изделия высокого уровня мастерства, украшенные позолотой и гравировками.¹⁸ Большая часть импортных предметов по-прежнему локализуется в западных областях севера Западной Сибири. Так, значительное количество находок происходит из разрушенных памятников археологии вокруг озера Шурышкарский сор. В их числе и изделия, очевидно вышедшие из одной мастерской: очелье и два щитка для защиты руки от тетивы, изготовленные по одной матрице.

Керамика, этот основной этно- и культуромаркирующий признак до XII в., позже на севере Западной Сибири практически полностью исчезает. В культурном слое памятников археологии появляются многочисленные фрагменты медных котлов предуральского происхождения. Интересно, что в самом Предуралье появление медных котлов не привело к исчезновению из обихода керамики.

Состав и место захоронения кладов также меняются. До сих пор владельцы их прятали в зоне своего проживания, и они содержали одновременно предметы. Фиксировалось также стремление сохранить этот комплекс путем обертывания в бересту (клад с византийской чашей на Барсовой Горе) или помещения в металлический сосуд.

«Новые» клады прячут в таких местах, где вряд ли вообще возможно расположение поселений или святилищ. Они обнаружены на болотистых пойменных островах (остров Новенький на р. Обь),¹⁹ в предгорной тундре²⁰ и даже в реке (семь серебряных блюд, по рассказу, записанному В. Н. Чернецовым²¹).

¹⁸ См.: Бауло А. В. Богатырь и невеста (серебряное блюдо с р. Сыни) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 2. С. 123–127.

¹⁹ См.: Фёдорова Н. В., Сотруева Е. И. Клад с острова Новенького // История Ямала: взгляд из музейных хранилищ. Вып. 2. Екатеринбург, 2010. С. 44–61.

²⁰ См.: Макаров Н. А., Чеснокова Н. Н. Лонгот-еганский клад XII–XIII вв. (Полярный Урал) // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Т. 3. Сыктывкар, 1994. С. 24–28.

²¹ См.: Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.

¹⁶ См.: Бауло А. В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск, 2011. С. 122–126.

¹⁷ См.: Фёдорова Н. В. Север Западной Сибири в 13 — начале 14 вв.: столетие перемен // Науч. вестн. ЯНАО. Вып. 1 (70). Салехард, 2011. С. 69–72.

В последнее время стал известен комплекс вещей (клад?), найденный в Тазовском районе ЯНАО, хотя точные сведения о месте находки отсутствуют. Общим для кладов является обилие мелких украшений и принадлежностей костюма, иногда (клад с острова Новенький) — разновременные вещи в одном комплексе. Состав и местонахождение кладов заставляют предположить, что они являются результатом ограбления кочевниками тундры кладбищ или святилищ, расположенных в северо-таежной зоне.

Отчасти толчком для перемен в культуре обитателей севера Западной Сибири явились изменения климатических условий, а именно сильное похолодание, наступившее как раз в самом начале XIV в. «В XIII–XV вв. климатические условия значительно ухудшились: это время нестабильности и быстрой перестройки природной среды считается переходным к следующей фазе длительного похолодания в Арктике (с XVI по середину XIX вв.), известной как малый ледниковый период».²² Причем ухудшение климатических условий, довольно своеобразно отразившееся в археологическом материале, отмечается исследователями не только для арктического региона, но и для других регионов Евразии.²³ Похолодание заставило местных обитателей искать дополнительные возможности приспособления к условиям среды, в частности привело к возрастанию роли пушной торговли. Ответом на природный вызов стало и окончательное оформление культуры кочевого оленеводства. Все это резко повысило мобильность части таежного населения и всего населения тундры. Соответственно, возросшая

мобильность способствовала усилению «интернациональности» культуры средневекового населения Западной Сибири, что выразилось с точки зрения археологических источников в замене местного набора украшений набором, общим для севера Восточной Европы.

Выводы. Археологические исследования последних лет на территории северной части Западной Сибири позволяют четко проследить две составляющие культуры местного населения. Первая — повседневная, бытовая, массовая культура — включена в среду, формируется в течение длительного времени и меньше зависит от инноваций. Ее стабильность демонстрируют остатки, связанные с охотой, рыболовством, оленеводством, изготовлением хозяйственных приспособлений и бытовой утвари.

Вторая — культура элиты (вождей, воинов, торговцев, т. е. мобильной, подвижной части общества) — наиболее подвержена изменениям, поскольку ее носители состоят в постоянном контакте с ближними и дальними соседями, легко заимствуют внешние престижные элементы культуры, инновации в вооружении, стремятся к роскоши, что выражается, в частности, в использовании импортной серебряной утвари.

Если не рассматривать эти две составляющие археологических культур эпохи железа и, особенно, средневековья, не учитывать подвижность новой элиты западносибирского населения и ее восприимчивость к инновациям, можно действительно представить все изменения, фиксируемые по составу археологического материала, как следствия «притока населения», «угризации», «тюркизации» и прочих не вполне ясных явлений.

Ключевые слова: *археология севера Западной Сибири, археология повседневности, набор статусных украшений, мобильность*

Natalia V. Fedorova

Candidate of Historical Sciences, Research Center the Study of the Arctic (Russia, Salekhard)

E-mail: *muk-fedorova@mail.ru*

EVERYDAY LIFE, WAR AND TRADE IN THE ARCHAEOLOGY OF THE NORTH OF WEST SIBERIA

Archaeological studies of the recent years in the territory of the northern part of Western Siberia demonstrate two clearly visible components of the aboriginal population culture — the routine, the common, based on the use of local resources, and the elite, more characteristic for the mobile groups of the population — the chiefs, warriors, and traders. The articles analyses both components of the archaeological cultures, their sources, evolution, and historical development.

²² Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989. С. 126.

²³ См.: Макаров Н. А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 5–11.

Key words: *archaeology of the north of Western Siberia, archaeology of everyday life, a set of status jewelery, imported products, mobility*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Arkheologiya Respubliki Komi* (Archaeology of the Komi Republic). Moscow: izd-vo "DiK", 1997, 525 p. (in Russ.).
- Baulo A. V. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia), 2001, № 2, pp. 123–127. (in Russ.).
- Baulo A. V. Novosibirsk: IAE SO RAN, 2011, 260 p. (in Russ.).
- Baulo A. V., Marshak B. I., Fedorova N. V. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia), 2004, № 2, pp. 107–114. (in Russ.).
- Belavin A. M. Perm: PGPU, 2000, 200 p. (in Russ.).
- Belavin A. M., Krylasova N. B. Perm: PGPU, 2008, 603 p. (in Russ.).
- Borzunov V. A., Chemyakin Yu. P. *Arkheologicheskoe nasledie Yugry: sb. nauch. tr.* (The archaeological heritage of Ugra: collected papers). Ekaterinburg; Khanty-Mansiysk: izd-vo "Charoid", 2006, pp. 68–108. (in Russ.).
- Fedorova N. *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Dedrecen, 1990. (in).
- Fedorova N. V. *Nauchnyy vestnik Yamalo-nenetskogo avtonomnogo okruga: sb. nauch. tr.* (Scientific bulletin of the Yamalo-Nenets autonomous district: collected papers). Salekhard, 2011, Issue 1(70), pp. 69–72. (in Russ.).
- Fedorova N. V. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii: sb. nauch. tr.* (Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition: collected papers). Perm: PGPU, Issue 3, 2003, pp. 138–153. (in Russ.).
- Fedorova N. V., Sotruueva Ye. I. *Istoriya Yamala: vzglyad iz muzeynykh khranilishch: sb. nauch. tr.* (The history of Yamal: a view from the museum's storage: collected papers). Ekaterinburg: izd-vo RPP "Krik-tsentr", 2010, pp. 44–61. (in Russ.).
- Golovnev A. V. Ekaterinburg: UrO RAN, "Volot", 2009, 496 p. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Etnokulturnoe nasledie narodov Severa Rossii: sb. nauch. tr.* (Ethnic and cultural heritage of the peoples of the Russian North: collected papers). Moscow: izd-vo "Avgust Borg", 2010, pp. 41–43. (in Russ.).
- Gusev A. V. *Trudy III (IX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo sezda* (Proceedings of the III (IX) All-Russian Archaeological Congress). Novgorod; Staraya Russa: IIMK RAN, 2011, pp. 339. (in Russ.).
- Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* (Sources for the Ethnography of Western Siberia). Tomsk: TGU, 1987, 280 p. (in Russ.).
- Kosinskaya L. L. *Nauchnyy vestnik. Vyp. 3* (Scientific messenger. Vol. 3). Salekhard: izdanie Administratsii YaNAO, 2000, pp. 21–23. (in Russ.).
- Krupnik I. I. Moscow: Nauka, 1989, 270 p. (in Russ.).
- Kudrich O. S. *Trudy III (IX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo sezda* (Proceedings of the III (IX) All-Russian Archaeological Congress). Novgorod; Staraya Russa: IIMK RAN, 2011, p. 233. (in Russ.).
- Makarov N. A. *Rus v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni: sb. nauch. tr.* (Russia in XIII century. Antiquities of the dark time: collected papers). Moscow: Nauka, 2003, pp. 5–11. (in Russ.).
- Makarov N. A., Chesnokova N. N. *Dukhovnaya kultura: problemy i tendentsii razvitiya: sb. nauch. tr.* (Spiritual culture: problems and trends: collected papers). Syktyvkar, 1994, pp. 24–28. (in Russ.).
- Marshak B. I. Moscow: Nauka, 1971, 157 p. (in Russ.).
- Murygin A. M. Moscow: Nauka, 1992, 179 p. (in Russ.).
- Sokrovishcha Priobya: sever Zapadnoy Sibiri na torgovykh putyakh srednevekoviya: katalog Vystavki* (Treasures of the Ob: north of Western Siberia on the trade routes of the Middle Ages: a catalog exhibition). Salekhard; St. Petersburg, 2003. (in Russ.).
- Vasilev Ye. A. *Trudy III (IX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo sezda* (Proceedings of the III (IX) All-Russian Archaeological Congress). Novgorod; Staraya Russa: IIMK RAN, 2011, pp. 212–213. (in Russ.).